

КРАЙ, В КОТОРОМ ВЫ ЖИВЕТЕ...

Виктор ВАЖДАЕВ

Как вы думаете, кому может быть адресовано такое письмо: «Ново-крайскому машиностроительному заводу имени Сталина для обработки деталей машин посредством аппаратов, необходимых для крупносерийного производства крупносерийного песка в нашем районе».

Не правда ли, такое письмо может получить геологическая организация, местное управление промышленности, строительный отдел, в крайнем случае — главный агроном района, у которого могут оказаться на карте почва участка песка. Но не торопитесь с поспешными выводами. Ново-крайский завод обрабатывает... в свой районный музей. И Александр Иванович Смирнов, его директор, и «подсобный» ему огромный штат людей быстро справились с задачей и папины крупносерийный песок для своего любимого завода.

Позвольте, вполне справедливо возражает читатель. Ну, какой же может быть «огромный штат людей» у районного краеведческого музея, если вместе с директором и ответственной только недавно новой единицей в нем числится всего три человека?

И все же множество людей, о которых говорится, вполне реально: это участники краеведческих кружков, школьники, рабочие, колхозники, инженеры и служащие. Но как сплотиться все эти разные люди вокруг музея?

Война нанесла огромный ущерб музею. Большинство экспонатов было уничтожено, утрачено. Демобилизовавшись, А. И. Смирнов вернулся в родной Ногинск. Но существовать музей надо создавать заново. Педагог по профессии, политработник в армии и в годы войны, коммунист, он и не мыслил работать в одиночку, все делать самому.

В первую очередь — исследовательская работа. «Поскольку» деятельность самих краеведческих кружков. Затем — тесный контакт с научными учреждениями и учеными, которые помогут разобраться в находках, направят на след нового интересного явления. Наконец, я это самое главное, дружная связь с населением района: с рабочими, колхозниками, учащимися; их надо заинтересовать, научить собирать все то, что интересно музею. Музей не должен быть только «памятью района», равнодушным хранителем прошлого, но обязан стать зеркалом сегодняшней жизни, позволяющим людям лучше оценить свои силы, заставляющим крепче думать о будущем, — вот мысль, которая главнее всего в развитии краеведческого музея.

Получив заказ от Ново-крайского завода, Александр Иванович дал задание всей подчиненной сети краеведческих кружков: при 22-й средней школе, 23-й, 32-й и Вишняковской семилетних школах и при музее, о чем туристские группы (некоторые из них от научных сотрудников Б. А. Архиповича сами пошли в поход) найти месторождение песка. И песок был вскоре обнаружен вблизи краеведческой Обуховской средней школы № 23 по руководству учительницы географии Н. Ф. Лапчиковой. Результаты? Музей получил свои сведения о крае и свои патристические экспонаты. Завод получил песок, транспорт не будет затруднен.

Пусть на малом участке, но краеведческие кружки выполняют задачу, поставленную в директиве XIX партсъезда о приближении «промышленности к источникам сырья... с целью ликвидации нерациональных и чрезмерно дальних перевозок».

Вот вы видите в Ногинский краеведческий музей, то не экспонаты (хотя некоторые представляют интерес даже для московских музеев), собранные заботливой и любящей рукой, привлекают взоры и внимание прежде всего. Вас поражает та патристическая работа энтузиастов-краеведов, которая отражена на стенах музея.

Вот куски древней керамики — черепки с крупными выемками. Это — «ямочная» керамика, работа рук неолитического человека, жилища новоявленного века. У выемки на стене фотографии мальчика с крупными выемками. Это ученик седьмого класса Вольга Юрьев, открывший стоянку неолита. На берегу Восточного озера Вольга нашел осколки керамики. Он передал их учительнице. Учительница — директору музея А. И. Смирнову. Смир-

нов — профессору А. Я. Брюсову — знающему специалисту.

В этом познавательном пути кусков обработанной четыре тысячи лет назад глины много достойно внимания. В самом деле, пятизатратный мальчик, найдя черепок, вместо того, чтобы затопить им по воде и посмотреть, как по глади озера пойдут «блуждающие», сразу глазом краем оценил найденные им черепки, как осколки древней керамики.

Благодаря настойчивому стремлению А. И. Смирнова объединить и привести в движение множество людей, сделать их подлинными энтузиастами-краеведами, музей не только пополняется ценными экспонатами, но и дает большой материал для специальных научных исследований.

Однажды колхозник П. А. Романов сообщил в музей, что возле села Большое Букино обнаружены необычные по форме колодки, выкопанные бревнами. Сообщение колхозника послужило началом серьезных работ. Сотрудники музея выехали на место. Колодки оказались много. Все они располагались вдоль ручья, недалеко от моста. Музей съезжался в Александровский музей краеведческого музея ведет раскопки по Букиновскому ручью.

А. И. Смирнов использует каждую возможность для того, чтобы углубить работу музея, расширить его связи. Примером может служить его переписка с недавним прошлым с писателем А. Н. Толстым.

Еще до войны Александр Иванович проводил туристский поход группы школьников. Около селения Савинка они пришли в бывшее имение Н. В. Лопухина, известного малята, масона времен Новополя. Там, в старинном парке, посреди луга, упираясь в скалы, возвышался огромный овраг, над которым высилась огромная сосна. У подножия ее путешественники обнаружили большую плиту, заросшую мхом и травой. Робота отчисти плиту, и на ней оказались надписи на русском и немецком языках. Немская надпись гласила, что здесь захоронен «серетик Клеппин Кульман, сожженный в Москве в 1689 году».

Смирнов обратился к писателю Алексею Толстому, который в своем романе «Петр» вывел образ Кульмана. Вот ответ А. Толстого:

«Уважаемый товарищ Смирнов. Только сегодня получил Ваше письмо — был в отъезде. Ваша находка чрезвычайно интересна для истории германской литературы, так как Клеппин Кульман — крупный немецкий поэт середины 17 века. Он впадал в мистицизм, был изгнан из Вены за неистовство и кончил жизнь на костре в Москве, по приказу царяны Софии. Подробные биографические сведения о нем я сообщу Вам в ближайшее время. Будьте осторожны с раскопками, не сдвигайте плиту с места. Можно предположить, что она положена там, где похоронены останки Кульмана, или — на месте его сожжения. Находка эта, повторю, очень ценная. Примите мой привет. Депутат Верховного Совета СССР, академик Алексей Толстой. 3.1X—40 г.»

В двух залах размещается созданный за последние годы в результате упорной и кропотливой работы отдела социалистического строительства. На организацию отдела музея мобилизовал все свои силы, возглавляемый музейно-краеведческим советом из 28 человек. Члены краеведческих кружков и школьники пошли по квартирам рабочих, в общежития, в дома старожитов собирать старые фотографии, документы, рисунки бабьиную жизнь фабричного люда до Октябрьской революции.

В первом зале представлен старый фабричный Богородск — вотчина промышленного воротника царской России. Здесь фотографии рабочей слободки, расчистка кирпича мастерского, орудия ручного труда прикладнички. А вот напоминание о том, что нынешний Ногинск стоит на бывшем Владимирском тракте, знаменитый «Владимирский», по которому при царизме уезжали лучшие люди в Забайкалье и в Сибирь — в ссылку и на каторгу. Этой дорогой прошел Раппинер, прошли декабристы, народолюбцы, большевики. Вот почему на стене — кандалы, наручники, старое оружие, плет, мясницкие коло-

кольники... А вот листовки, говорившие о будущей революции. Посреди зала — скульптура: легендарный матрос Железняков. Он жил в Ногинске, здесь прожил свою юность. Это он, сказав: «Барак устал», навелся взором престолу «учреждений».

Второй зал рассказывает о жизни современного Ногинска и его района. Среди экспонатов, отражающих колхозную жизнь, рассказывающих о продуктивности социалистического животноводства, выделены специальные витрины, посвященные работам академика Дидина по выращиванию многолетних пшеницы и дающая представление о процессе отдаленной гибризации. Эта выставка готовилась музеем весной 1953 года в совещании передовиков сельского хозяйства, а затем была направлена в колхозы, в сельские клубы.

Значительное место в разделе социалистического строительства занимает промышленный отдел. Здесь каждое крупное предприятие района имеет свой особый стел: тут и фотографии лучших мастеров — новаторов производства, таких, как Нина Амеличенко с Обуховской фабрики имени Денина, как зачинательницы нового движения за высокое качество продукции на Кузавинской фабрике прикладнички М. Жилина и ткачиха Б. Хорькова, и многих других. Наглядно рассказывается об их методах труда.

По сути дела, осмотр музея закончен. Мы садимся директору самый простой вопрос: какой из множества экспонатов, увиденных нами, труднее всего было приобрести? Наверное, тот, что рассказывает о далеком прошлом?

— Нет, — с горечью возражает Александр Иванович. — Найти место стояния древнего человека, жившего 4—5 тысяч лет тому назад, выкопать археологическую реликвию, конечно, не просто. Но вот получить для музея сделанные сегодня коврики или несколько метров хлопчатобумажных тканей, пожалуй, труднее, а то и вообще невозможно.

Как показала печальная практика, руководители местных текстильных фабрик не признают работу музея верней. Часами и днями просиживают А. И. Смирнов в приемных директоров Гутковского комбината и Обуховского комбината, добиваясь, чтобы музей получил образцы продукции этих предприятий. Директора сменялись, но отношение к музею оставалось неизменным. Понадобилось вмешательство министерства, чтобы разрешить этот вопрос.

Совершенно ясно, что система комплектования местных музеев такого рода экспонатами требует пересмотра. Характерно, что из шестнадцати музеев Московской области только три имеют подобный отдел (добавим, что лучший — в Ногинске). И в этой области в первую очередь — отношение руководителей местных предприятий. Местные музеи должны получить возможность демонстрировать продукцию предприятий своего края.

Музей растет и крепнет. Он прочно вошел в жизнь своего района. Каждый день приносит новое. Сейчас краеведы ожидают завершения новой большой работы. Подобно тому, как завоевал свое место на стенах песок, с которого начал был наш рассказ, почетное место и в музее и далеко за пределами его получает ценный для промышленности минерал. Еще до войны А. И. Смирнов вместе с председателем секции природы инженером Б. Н. Михайловым начали поиски его. А. И. Смирнов росла до все возможных писем с просьбой сообщить, какие есть возможности ископать — большинство предостережений сельсоветов лично знали Смирнов по его лекционным поездкам и выступлениям.

В распоряжение музея поступили нужные сведения. Геологические поиски дали положительный результат. Затем началось лабораторная работа. И вот специальная конференция ВНИИ, созданная по инициативе металлургов Ново-крайского завода, установила, что Ногинский район может снабжать этим ценным сырьем не только местные заводы, но и другие промышленные центры.

Это была победа музея, победа методов его работы, основанных на большой вере в творческую силу советского человека, успех людей, сделавших краеведческую работу делом своей жизни.

ВЕЧЕР В МАКАРОВЕ

В сопровождении Государственного симфонического оркестра УССР Людмила Кравченко поет песню Леся из оперы Римского-Корсакова «Снегурочка». Оркестром дирижирует заслуженный деятель искусств УССР К. Симеонов.

Те, кто находится в зале, рады своему и приятному голосу молодой исполнительницы. Но, может быть, еще больше радует зрителей то, что их землячка Людмила Кравченко не раз выступала здесь перед своими односельчанами. Тогда она была школьницей и участницей школьной самодеятельности. А ныне она студентка Киевского музыкального училища и поет не под баян, как прежде, а под аккомпанемент большого симфонического оркестра.

Все это, конечно, заставляет Людмилу волноваться, тем более, что вместе с ней в концерте выступают солисты Киевского оперного театра: заслуженная артистка республики Зинаида Старченко и артист Дмитрий Гнатюк. Впрочем, в зрительном зале уже стало известно, что и Гнатюк, исполняющий ныне в оперном театре партии Евгения Онегина и Богдана Хмельницкого, не так давно, будучи студентом, тоже выступал, как сегодня Людмила Кравченко, перед своими земляками в селе Староселье, на Буковине.

Концерт симфонического оркестра, о котором мы рассказываем, состоялся на днях в селе Макарове на Киевщине, и зал селом клуба, рассчитанный на триста человек, вмещал в этот раз каким-то образом почти вдвое больше зрителей.

Вместе с музыкантами в гости к колхозникам приехал председатель правления Союза советских композиторов Украины Ф. Кошицкий. Он рассказывал о работе украинского композитора, о том, что постановление секретариата ЦК КПСС обязывает творческих работников наладить еще более тесную связь с колхозным селом.

В программе концерта были исполнены симфонические произведения Чайковского, Глинки и Лисенко, а также произведения современных украинских композиторов. Одним из лучших музыкальных коллективов страны нашел здесь чутких и внимательных слушателей. Да это и понятно, если учесть что в селе Макарове уже третий год работает музыкально-литературный лекторий. И каждый раз перед началом нового цикла лекций-концертов жители села быстро раскупают все тиражи альбомов. Накануне, например, в этом же клубе состоялась очередная лекция-концерт с участием артистов областной филармонии.

Приезд артистов и даже целых театров местных коллективов стал обычным явлением в жизни села. На небольшой сцене макаровского клуба выступали артисты Киевского академического драматического театра имени Франко. Здесь не раз показывали свои спектакли Киевский областной передвижной театр и Белоцерковский театр имени Саксаганского. А недавно приехал сюда «гастроли» драматический кружок из села Липовки. Соседи показали макаровцам «В степях Украины» А. Корнеевского и «Полот жаворонок» К. Крапивы. Теперь в Макарове готовится к ответным «гастролям» в Липовке: из ста активных участников сельской самодеятельности предстоит отобрать лучших для выступления у соседей.

Концерт окончен, и гостей, в том числе Людмилу Кравченко, всем селом шумно провожают до околицы. Автобусы с артистами выезжают из села на шлях, когда в домах колхозников уже зажигаются электрические огни.

(Наш корр.)

Село МАКАРОВ, Киевской области

ПОЭТЫ РАССКАЗЫВАЮТ О ЛЕТНИХ ПОЕЗДКАХ

Окончилось лето. Из творческих поездок в Москву возвратились писатели. В минувшую субботу они собрались в Центральном Доме литераторов.

Вечер «летних впечатлений» открыл С. Кисринов. С большим интересом присутствующие слушали рассказ А. Суркова о поездке в Англию, о трогательной любви шотландского народа к Роберту Бернсу. И. Грибачев и С. Смирнов поделились своими впечатлениями от поездки по Десне, прочитали отрывки из новой книжки и стихи, посвященные этому путешествию. И. Молчанов поделился впечатлениями о поездке на Север — в Красноярск и Колас. О том как преобразился, вырос и изменился край облик маленького зауральского городка Курган, рассказал С. Васильев.

На вечере П. Антокольский прочитал свои воспоминания о В. Брюсове и В. Маяковском.

В кабинете директора крупнейшей в стране пуговичной фабрики имени Балакирева висят три плаката с образцами. И несколько залюбовались богатством цветов, оттенков, форм.

Здесь представлены образцы, — говорит директор фабрики М. Бруштейн, — часть которых фабрика сейчас, с сожалением, уже не выпускает: представители Министерства местной и топливной промышленности и Министерства торговли РСФСР сняли ряд образцов. Вот они — перед вами.

Большие красивые пуговицы для демисезонных пальто выработаны только потому, что фабрика уже выпускала их несколько лет подряд.

— Но ведь новые пуговицы и по форме и по расцветке хуже заурядованных.

— Вот в том-то и беда, — задыхается тов. Бруштейн и рассказывает о мытарствах, которые «испытывает» каждая пуговичка, прежде чем попадет в магазин.

Действительно, картина неутешительная. Вот список неудач и огорчений, через которые проходят образцы новых пуговиц: а предмет рассуждения и утверждения. Тут прежде всего трест «Мосгоршвейпром», затем городское управление местной промышленности, подкомиссия по просмотру и утверждению образцов товаров народного потребления при горторгделе Мосгоршвейпрома, комиссия по тем же вопросам при заместителе председателя Мосгоршвейпрома. Вечает все комиссия представителей министерств торговли и промышленности товаров широкого потребления.

Неудивительно, что это «пуговичное» путешествие длится долгие месяцы.

Надо коренным образом пересмотреть порядок утверждения и производства типовых образцов пуговиц и пряжек.

А. КРЕМЕНСКОЕ

О литературной сатире

Сергей ВАСИЛЬЕВ

В известном Постановлении Центрального Комитета партии «О журнале «Крокодил» ясно и четко было сказано, ка-

кие задачи являются основными и первостепенными для писателей, работающих в жанре сатиры и юмора.

Это борьба средствами сатиры с пережитками капитализма в сознании людей, с чуждыми и слепыми начальствующими персонажами, с проявлением пошлости и мещанства, с тлетворным влиянием буржуазной идеологии. Некоторые из перечисленных зол, к сожалению, распространяются на литературу и искусство.

Правда, здесь это все заключено порой в очень «изящную» форму, завуалировано туманом теоретических разглагольствований, отражено «специфической», ассоциативными моментами и прочими красивыми декорациями.

В самом деле, разве не осталось еще космополитов в литературе и искусстве, формалистов и стилизаторов в прозе и поэзии, эстетствующих снобов в литературоведении, наконец, халтурщиков в чистом виде?

Против уродливых явлений и недостатков в литературе и искусстве надо бороться активно и неустанно, и в этой борьбе немалая роль должна принадлежать сатире.

Пародия и эпиграмма стоят иногда критической статьи; это и превосходное профилактическое средство против бездельности. Это громкий и грозный сигнал другу, потерпевшему вкус, орудие борьбы со всем чуждым советской литературе, это веселый шажок, выявляющий мажорность или претенциозность.

Естественно, что советская литературная пародия и эпиграмма должны строиться и развиваться по общим законам социалистического реализма, в их основе должны лежать правда, конкретный адрес, ясное, читатель, слушатель отзовет им в самом главном — в соответствии с духом.

Конечно, пародия и эпиграмма должны быть, иначе они теряют всякий смысл, лишаются своего природного качества, самоутрачиваются.

Написать блестящую, первую, запоминающуюся эпиграмму не легко: она должна отличаться предельной краткостью и ясностью, она не терпит двусмысленности и должна нести на себе предельную смысловую нагрузку.

Написать хорошую пародию тем более трудно, что, кроме чувства юмора, автор пародии должен обладать умением проникнуть в стиль писателя пародируемого поэта или писателя, deeply схватить главную ноту, воспроизвести тембр голоса.

Чем самобытнее, чем индивидуальнее голос поэта, тем легче его пародировать. Серое, обезличенное произведение не поддается настоящему художественному пародированию.

И тут необходимо заметить, что напрасно некоторые знаменитые литераторы, в частности поэты, обижались на пародиста. Не смешили ли это самозабвенность и слезы, граничащие с мещанским благополучием, не спохватили ли это почтение на подделке из лавров?

Правда, пародия и эпиграмма не имеют ничего общего с мажоралом и панегириком, но на то они и являются своеобразной действительной формой критики, уходящей своими корнями в классическую литературу.

Вспомним времена Крылова и Пустынина, воскресим в памяти литературную сатиру Н. А. Некрасова, не забудем, наконец, и годы расцвета литературной пародии и эпиграммы, энергичную деятельность В. Куприна, Д. Минина, Козьмы Пруткова.

Блестящие примеры прозаической стихотворной живописи мы находим у В. Маяковского в эссеистике его боевых произведений — «Юбилейное», «Разговор с финишником о поэзии», «Сергей Есенин», «Четырехэтажная халтура» и других.

Призывы и заголовки говорят В. Маяковский в стихотворении «Мрачное о юмористах», обращаясь к современникам-сатирикам, призываям свои перья:

Где вы, бойкие задиры? Крыть бы розгой! До чего же наш сатирик измешал и обезумел!

Уничижая, по заслугам безжалостно возмездия Д. Бедный еще в молодые свои годы буржуазных декадентов от литературы, ревнителя «искусства для искусства».

Зоркое досталося на орехи в фельетонах Д. Бедного «Критическая гримаса» и «Их лозунг» двух тогдашних чистоплюев петербургского декаданса — литературной ересь Зинаиде Гиппиус и Андрею Бело-

му, которого пролетарский поэт метко окрестил «храбрым аполотом поэзии о цветах и бабочках», «сумбурным

теоретиком русского чужого символизма».

С чистотой послужил делу борьбы со всякого рода пройдохами и «поэтическими развратами» стихи В. Лебедева-Кумача.

Яркостью и своеобразием было отмечено творчество А. Архангельского, автора многих общительных пародийных вещей, которые, с нашей точки зрения, не так уж устарели и обесценились, как это иногда пытаются представить.

Нашим современникам-сатирикам есть кому равняться в трудном деле производства сатиры, есть у кого поучиться мастерству и политическому задору, есть у кого циничные стрелы сатиры!

Вот пример: не так давно по первой программе Центрального радио вещания передавался эстрадный концерт.

Артист Афанасий Белов исполнял так называемую «литературную шутку» под названием «Евгений Алешин», принадлежавшую перу З. Герда. Сочиненная по всем правилам дешевого коридорного остроумия, эта «литературная шутка» являет собой образец воинствующей и развальной пошлости.

Чего стоят одни только прозаические выступления, вроде таких:

«Этот жанр (литерический) несправедливо забыт в нашей поэзии, и я, пожалуй, единственный поэт, который успешно зарабатывает... т. е. разрабатывает этот жанр».

Или: «Вас не должно удивлять мой творческий амплитуда. Это поэтическая подделка... Палитра, а хотел сказать...»

Куда как свежо и тонко! А вот отрывок из стихотворной части «литературной шутки»:

Мне всегда даются строчки Про девичьи талии, Руки, ножки, Ушки, мочки, почки и так далее.

И подобная стряпня транслируется по радио для многомиллионного слушателя!

Обычно, кто способный эстрадный артист А. Белов оказался рупором этой беспардной халтуры.

Нет, они еще есть, люди, производящие «утробный смех» на потребу обывателя, они еще имеют своих покровителей, приятелей, верных заступников.

Не надо греха таить: в практике нашей современной литературной жизни сатирические произведения на литературные темы и, в частности, пародия и эпиграмма занимают минимальное место.

А жалко! Не только эстрада имеет повод для разговора литературным сатирикам — пародистам и эпиграммистам. Достаточно взглянуть, например, в переводчики статей о языках братских республик на русский, чтобы ахнуть и всплеснуть руками при виде богатства тем для сатирического осмеяния холодных ремесленников, журирующих на подложном корму подстроичков.

Достаточно, навострив ухо, приглядеться к бойким тем называемым поэтам-пессимистам, чтобы увидеть клад готовых, уже пожелтевших от времени иронических заготовок.

А детская литература, где прижились и размножились в немалом количестве устаревшие дяди и тети, составляющие и пиликающие скучнейшие заготовки! А большие «специальности» многострадальных малых форм, разве они не просятся на сатирическое перо!

А лакированные и мастера литературной сатиры! А рифмачи-строчковники! А контр-интерпретации и тусовки, иждивенцы Итифода и молчаливщины! Много, много объектов для сатирика, только гляди зорче да действуй смелее!

Смелее и определеннее следует держать себя в этом вопросе и Союзу писателей, и редакторам, и издателям: не считать пародию и эпиграмму «низким жанром», не отделиваться благими пожеланиями, а помогать делом энтузиастам литературного сатирического жанра.

Не мешало бы и критикам, наконец, приступить к теоретическому осмыслению этого вида литературной работы: накопившийся опыт писателей-сатириков позволяет уже сделать некоторые выводы.

Замечательно сказал Герцен о значении смеха, о сущности и значении сатирического письма:

«Смех — одно из самых сильных орудий против всего, что отжило и еще держится, бог знает на чем, важной развалины, мешая расти свежей жизни и путая слабых... Смех — вовсе дело не шуточное, и им мы не поступимся».

Эти ясные и твердые слова имеют вполне современное звучание.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

из хроник культурной жизни

* Совещание работников культуры. Заключилось совещание работников культуры Тюменской области. В области сейчас свыше тысячи библиотек, а в них — более двух миллионов томов книг.

* На колхозной сцене. Более 500 колхозников Березовского района. Олеськой области, посетили в районном Доме культуры пьесу «100 миллионов» В. Собин и Б. Балабина в постановке Олеського украинского драматического театра. В одно из ближай-

ших воскресений театр покажет здесь же новый спектакль «Не называя фамилий» В. Минко.

* Художественный магазин. На главной улице Новосибирска, на Красном проспекте открылся художественный магазин-салон новосибирского отделения Художественного фонда СССР. В отделе продаются картины сибирских художников, копии с картин русских классиков и советских художников.

РАЗГОВОР О ПРОСТЫХ ВЕЩАХ

Отделка — не мелочь...

Недавно в одном из универсамов произошла такая сцена. Покупатель, по виду приехавший из дальних краев, выбрал женские туфли. Продавец предложил несколько пар модельных туфель разных фасонов и расцветок, но покупатель, не глядя на них, молчал.

— Нет, нет, мне заказаны только простые на среднем каблучке с граненой пряжкой. А я номер тридцать шесть.

Продавец беспомощно развел руками.

— Тридцать шестой номер у нас с простой пряжкой...

— Но почему? Ведь цена та же? Значит, и отделка должна быть такой же?

— Что подешевеет... Этот фасон и размер нам прислали с простой пряжкой...

Зантересовавшись разговором, я подошел поближе.

Покупатель, отодвинув предложенные ему туфли, горячо говорил:

— Только что был в отделе готового платья. Там та же история — и на дорожки и на летние костюмы один и те же пуговицы, крючки, пряжки. Фасон, качество материи, цены разные, а отделка одна и та же — и чаще всего плохая. Почему?

В моделином цехе обувной фабрики «Буревестник» на столах упаковочного отделения выстроились длинный ряд изящно сделанных туфель.

Беру из рук упаковщицы черные туфли на низком каблучке. Добротность материала

сочетается с изяществом фасона и тщательностью отделки. Брасная граненая пряжка снабжена полным валликом. Он предохраняет ремешок застежки от преждевременного износа.

— А вот другой фасон и другая расцветка, — говорит заместитель главного инженера М. Заславский, — синие сапожки со средним каблучком на шнурке. Полушнурковые шнурки точно подобраны под цвет обуви.

Действительно, обе пары хороши. Третья пара — красивые «босоножки». Но они имеют совсем иной вид. Покупатель в универсаме недаром сердился: глаза режет грубая белая пряжка без валлика.

— Почему здесь не граненая пряжка? — Не хватило на всю партию, — тов. Заславский поднимает плечами. — Что подешевеет! Придется ставить простые. Они надежны, но хоть отвечают основному назначению — застегивать туфли. Была бы хуже — нам прислали бы пряжки, которые ремешок с туфом продерживаются.

Любительница продукции! Можете познаться с ней на заводе. Это недалеко — тут же в Сокольниках.

На автоматизированном заводе против стога главного инженера Г. Горшкова висит щит с образцами. Обувная пряжка занимает главное место.

— А где же пряжка с узким отверстием, та, что рвет ремешок?

— Мы ее назвали снами с производством, — поясняет тов. Горшков. — Но среди образцов, утвержденных Государственным советом Главбуш она еще фигурирует.

Горшков вынимает из папки несколько картонных листов. На каждом в натуральную величину — образцы пряжек: круглые с красивой волнистой рамкой, овальные с затейливым рисунком, граненые с полным валликом. Десятки образцов...

— Почему же не все они освоены?

— Большая часть их негодна для производства... Главнейшее положение: отступать от утвержденного стандарта мы не имеем права, а затем пускаться в производство образцов, предложенные Художественным советом, фабрики протестуют: «Дасте брак — не годятся ваши пряжки».

— В чем же их недостатки?

— Основной — неестественно величина отверстия, в которое продевается ремешок, его толщине или ширине. В первом случае ремешок приходится прогнать силой, он быстро изнашивается, рвется. А бывает иначе: ремешок шире пряжки и лежит в ней согнутый, портит вид обуви...

Вот крайняя слева квадратная пряжка № 200, — тов. Горшков кивает на щит. — Она у нас пользуется наибольшим спросом. Но это «контрабандный» образец. Оказываются, пряжки разработали и зали в производство местные работники — на свой страх и риск, помимо Художественного совета.

Постепенно выясняется поразительное обстоятельство: Художественный совет при Главбуше утверждает образцы пряжек только по их внешнему виду. А годится ли пряжка практически, это членов Худсовета не интересует.

Плани не только

К ПЛЕНУМУ ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ЖИЗНЕННАЯ ПРАВДА И МАСТЕРСТВО

Путь к большой пьесе

Драматургия привилегия бесконечно жаловаться на свою судьбу. Привычка эта имеет свою давнюю причину. Ее породила печальная память усталости на бесконечных путях.

Теперь никто не предложит драматургам пользоваться одним аварием, не прибегая к светотени и иллюзиям картин; стремительно и с хоромскими, разучившими задатками идет в драматургию писательский молодежь.

Говорят еще и еще о том, что теперь уже почти никому не мешают ни в организационном, ни в идейно-художественном плане, просто нет никакого смысла. И, следовательно, от этой старой и в чем-то самоуспокоительной привычки — жаловаться — надо отказываться.

Открыт простор всем драматическим жанрам, и, кстати сказать, у нас появилось множество драматургов, желающих придать своим пьесам сатирическое направление, хотя ни одной истинно сатирической комедии пока не появилось. Не появилось ли серьезной драмы, в которой бы ставились острые вопросы морали, этики, любви, долга... Нет большой нашей традиционной-советской пьесы с ее общепризнанными проблемами, жанрово выходящими за пределы широкого зрителя.

Читательские новые пьесы — и хочется увидеть, что же изменилось в их общем тоне, в приемах. Да, преобладает элемент комического, довольно броско осмеиваются лица отрицательного порядка, конфликтность, естественность, укрепилась сюжетность, но нового, разительного, что бы отвечало новому простору тем и напряжению, пока не дано.

Мы рады приветствовать молодых писателей, заметивших себя в драматургии, таких, как Кожанкин, Мин-

по, Маматов, Салынский: в их пьесах пробивается жизненная свежесть, видна искреннее желание сказать что-то новое. Но и эти спектакли и спектакли драматургов старшего поколения, в том числе и вашего покорного слуги, которые прошли за истекший год, оставляют многого желать. Плакаться, повторю, не от чего, ничто уж не мешает писать во всю силу умения и таланта, но спектакли, которые прошли за год, не блещут высокими качествами.

Драматургия у нас талантливая — Б. Ромашов, Е. Симонов, А. Софоров, А. Суворов, А. Арбузов, А. Штейн, Ю. Чугурин и другие не только знают, как писать пьесы, но их работы отличались поразительной талантливостью. И если сейчас мы не видим больших спектаклей, составляющих события в нашем театре, то, вино, есть какая-то другая причина, которая препятствует тому, чтобы театры получали такие пьесы.

Мне кажется, что мы все еще пишем по старым меркам и укоренившимся шаблонам. Это — и повторение давно известных лиц и переделывание общих ситуаций и приемов, давно отработанных тем. Это все еще реминисценции, а не тот крутой поворот к глубокой и большой жизненной правде, в которой нас призывает партия, наш советский зритель, наш театр.

Я верю, — как это всегда было в развитии нашей драматургии, — что появится такая новая большая пьеса, отмеченная новыми, сильными, мудрым содержанием, как в свое время «Любовь Яровая», «Разлом» и «Бронепоезд». И название определит новый этап в драматургии и театре.

Николай ПОГОДИН

Растить молодежь

В предстоящем пленуму советские драматурги приходят не с пустыми руками. За последний год появились интересные, значительные драматические произведения. Нет надобности их перечислять, ибо эти произведения неоднократно упоминались в печати, а многие из них уже поставлены театрами Москвы и Союза. Большие потери, которые несли драматургия на-за диктаторского молчания, недопустимых пауз в творчестве старых, признанных и любимых зрителем драматургов, сейчас в некоторой мере компенсируются и их творчеством и творчеством молодых кадров. А молодежь у нас растет интересная, деятельная, талантливая.

Достаточно известны фамилии драматургов: А. Салынский, А. Кожанкин, В. Розов, Л. Девиатов, В. Губарева. Их пьесы поставлены или ставятся на сценах московских театров не без горячего внимания и помощи со стороны крупных мастеров литературы.

Но разве только этими именами ограничивается список одаренных людей, которые пополняют ряды драматургов? Через семинары, обсуждения и консультации, которые систематически проводились в последние годы, были вовлечены в активную творческую работу десятки других молодых литераторов. Этим летом на гастролях новосибирского театра «Красный факел» москвичи тепло встретили пьесу В. Лаврентьева «Крестный». В. Лаврентьев впервые заявил о себе как драматург два года назад пьесой «На просторах». Произведение это посвящено людям нашего села, и ныне, когда партия и правительство решают драматургией вопросы подъема сельского хозяйства, приобретает еще большую актуальность.

Недавно мы познакомились с интересной комедией молодого белорусского писателя А. Макаенка «Извините, пожалуйста» («Каміні в печыні»). Талантливое произведение о благородном труде врачей — «Печать доверия» — написано тамбовским врачом А. Архангельским. Пьеса с успехом идет в местном театре.

На драматургическом семинаре в прибалтийских республиках способным, трудолюбивым драматургом показала себя Май Талест, создавшая интересное произведе-

ние об эстонских крестьянах. Пьесу переводит сейчас на русский язык А. Симуков. С большим вниманием обсуждалась на семинаре драматургов среднеазиатских республик пьеса казахского писателя Ш. Байжанова «Делетай Дашир». Список новых имен можно продолжить. Но дело не только в количестве. Важно прежде всего то, что молодежь продолжает традицию нашей драматургии — хорошую волюнтаризацию, страстное отношение к тому, о чем она пишет в своих пьесах. Важно и другое. Большинство молодых авторов имеет свой, хотя, может быть, и недостаточно еще установившийся почерк, свою манеру.

У А. Макаенки, скажем, не только острый глаз писателя, умеющего схватить важное, главное. Этот молодой автор ясно наделен талантом сатирика, в его пьесе много живого, меткого юмора. В. Лаврентьев же стремится в глубоком психологическом раскрытии образа, становится передатчиком сложных переживаний души человеческой.

А. Симоновым М. Бараташвили. Ведь она своей «Стрекозой» ясно показала, что комедии бывают разные, что в комедии можно обличать и разоблачать, но можно и высмеивать героев с помощью веселой, задорной шутки, иронической улыбки.

Итак, кадры у нас есть. Но эти кадры надо обучать, обогащать опытом старших, осматривать их мастерством. Если сегодня еще порой делаются ошибки на молодости и неопытности, прощайте художественные огрехи пьес за ту свежесть, с какой в них передана хорошо изученная жизнь, то завтра требования будут уже иные.

В будущем А. Макаенко, очевидно, может стать интересным сатириком. Но, не овладев еще трудными законами драмы, он как бы не веря в силу сатирического разоблачения средствами художественными, обращается к вмешательству судебных органов в ход изображаемых событий.

Молодежь идет в драматургию широким потоком. И прямой долг Союза писателей, помимо семинаров, которые ведут уже не так часто, взять работу и учить молодых авторов под свое постоянное наблюдение, активно помогать молодым силам крепнуть и совершенствоваться.

Анатолий СУРОВ

Писатель и театр

Кому из драматургов не знакомо чувство, с каким приходишь впервые в театр. И пусть это будет первая пьеса, или третья, или пятая, — всякий раз, когда переступишь порог театра, замирает сердце и не знаешь, что тебя встретит, как отнесется к твоему труду, который ты вынашивал долгое время, как поймут героев пьесы, станут ли они так же близки зрителю, как и тебе, или все думы, мечты их останутся в этой тонкой паутине...

Трудно сказать, как бы сложилась драматургическая судьба А. Сурова, если бы театр имени Ермоловой не почувствовал глубоко всю правду первой пьесы писателя «Далеко от Сталинграда». В лице режиссуры, литературной части и актеров автор встретил самое теплое отношение.

Таких примеров можно привести немало. Мы знаем, что молодой драматург Д. Левитов был радужно принят Тамбовским театром, В. Лаврентьев — Новосибирским, Л. Зорин — Малым театром.

Если говорить о своей работе, то и мне неизвестно, как бы сложилась моя творческая судьба, если бы не заинтересованное отношение главного режиссера театра имени Моссовета Ю. Завадского и некоторых актеров к моей первой пьесе «В одном городе».

О многом можно говорить применительно к собственной работе в театре. Есть тут и горькие поражения и радость удач. И как глубоко заблуждаются многие наши драматурги, когда успех спектакля они принимают только на свой счет и, наоборот, неуспех постановки отбрасывают исключительно на счет театров. Некоторые авторы имеют неправильное представление о работе драматурга с театром. Принося пьесу в театр, они считают невозможным исправить в ней ни одной запятой, ни одного слова.

Не знаю, как кому, а лично мне доставляет удовольствие творчески работать и с литературной частью театра и с актерами. Работая с Малым театром над пьесой «Иначе жить нельзя», я чувствовал внимательную заинтересованность всего творческого коллектива. Уже, казалось, пьеса была принята, напечатана в журнале, но театр добивался дальнейшего ее совершенствования. Так, в пьесе, особенно в первом ее варианте, были произвольные диалоги, которые не помогали созданию живых характеров, затронули работу актеров. И. Комиссаров, игравший роль профессора Рейберга, пропонуя в четвертой картине довольно большой монолог. Когда начал репетировать, то оказалось, что монолог этот изложен тяжело. И. Комиссаров обратился ко мне: «Напишите мне что-нибудь более человеческое». Я попросил актера: «Ну, скажите сами, что бы вы здесь, в этом месте, могли сказать, как профессор

Рейберг?». И он, начав монолог словами из пьесы, закончил его своими. Мы записали, отредактировали, и это оказалось лучше, чем то, что у меня было в пьесе.

Бывает, конечно, и так, что театры, в частности режиссура, заставляют автора дописывать, вписывать изю, наоборот, вымарывают ценные куски из пьесы. Здесь уже должны проявиться воля автора и общее мнение коллектива, заинтересованного в выпуске хорошего спектакля. Но в случае все-таки первое — прислушиваться к слову опытных актеров и режиссеров.

У нас в литературной среде ведутся, на мой взгляд, бесплодные, схоластические дискуссии — можно ли писать роль на определенного актера или нет? Думается, что при серьезных взаимоотношениях театра с драматургом и драматурга с театром этот вопрос не должен стоять как вопрос дискуссионный. Если драматург хорошо знает театр и хорошо знает жизнь, то нет ничего более увлекательного, как писать те или иные образы, характеры героев, имея в виду определенных актеров. Это не значит, что из пьесы в пьесу будет переходить какая-либо оша героиня. Сами боги, этого достаточно было в нашей кинематографии. Образы, подпадающие индивидуальностью актера, только подтверждают ту верную мысль, которую высказал в своей статье Н. Охлопков, что театр и драматург неотделимы друг от друга. Больше того, как мне кажется, драматург имеет право писать не только на актера, но и на определенного режиссера.

Сколько раз получались, серые, бесцветные спектакли, потому что ставил их не тот режиссер. В этом отношении должны быть предоставлены широкие возможности и для драматургов и для режиссеров. Если драматург и режиссер хорошо чувствуют и понимают друг друга, то можно и должно настаивать, чтобы пьесу ставил именно этот режиссер.

Иногда на наших совещаниях драматургов упрекают за то, что они не постоянны в своих привязанностях к тому или иному театру. Думается, такая точка зрения несправедлива. Драматург, хорошо зная различные актерские и режиссерские силы, представляя себе своих героев в различных исполнениях, может и обязан выбирать тот театр, который для этой пьесы больше всего подходит. Вероятно, с этим положением соглашались и многие режиссеры, которые нередко укоряют и меня и моих товарищей по профессии в том, что мы им «изменяем». Главное — не изменять правде жизни. Главное — нести в театр правдивое слово, нести живые идеи, характеры, людские — разные, неповторимые, во всей полноте представляющие советский мир.

Анатолий СОФРОНОВ

Против схемы

Те, кто думает, что «теория бесконфликтности» уже в прошлом, что она перестала влиять на жизнь и развитие нашей литературы, заблуждаются. Теория бесконфликтности все еще действует, направляя умы некоторых товарищей, определяющих судьбы произведений драматургии. А самое печальное состоит в том, что некоторые писатели не освободились от «внутреннего» цензора, который так долго вежливо сидит рядом с писателем за письменным столом и свисывает его мысль, его язык: «это — можно, а это — нельзя».

А почему, собственно, нельзя? Ведь советский писатель, даже остро критикуя отрицательные явления нашей действительности, утверждает положительные идеалы коммунистического образа жизни!

«Да, это так, но как бы, знаете ли, о нас не полагали плохо то... наши враги». Но разве наши враги хоть когда-нибудь думали о нас хорошо? Они все-таки хотели и будут клеветать на нашу жизнь. Отгадываться на рожи врагов — это значит связывать себя, загонять вглубь те болезни, которыми еще страдают наши люди.

Пьес много. Но редко даже в пьесах последнего времени встретится острый, смелый, а главное — осуждающий конфликт.

Жизнь чрезвычайно многообразна. А конфликты в пьесах повторяются.

Давать проследить суть конфликтов ряда пьес. Анатолий Суров в пьесе «Далеко от Сталинграда» столкнул портрета Орлова, человека, испытывающего творческую тоску за порученное дело, с директором Осередко, человеком равнодушным, успевшим в произведении верно. Затем появились пьесы, где конфликт назойливо варьировался: борьба между хозяйственником и портнером, между председателем горсовета и секретарем горкома, между председателем колхоза и секретарем партийной организации, между председателем райисполкома и секретарем райкома и т. д. Будто в нашей жизни только и борются советские и хозяйственные работники — с партийными руководителями!

А почему такой конфликт вызвал «осуждающий» пьес? Между прочим и потому, что авторы почувствовали, что такого рода конфликт происходит, разрешен...

Появились и пьесы, где конфликт происходит между рабочими, по-разному относящимися к труду. Об этом писать надо постоянно. Но немая без конца эксплуатировать один и тот же конфликт! Проследите суть столкновений в пьесах: «Дорога первых» А. Салынского, «Сыновья Москвы» Н. Рожкова, «Визитная партия» А. Крона и, наконец, «Порочные люди» А. Сурова. Через все эти пьесы проходят две фигуры, ставшие при таком изображении схематичными, — передовой сталеновец и сталеновец зазнавшийся, который под занавес признает свои ошибки, перестраивается. Правда, А. Крон дерзнул и оставил своего Вострякова не сложившим оружием, упрямствующим.

Мы повторяемся, потому что новое увидеть и выразить труднее, чем обновить «бывшее в употреблении».

Когда я работал над пьесой «Опасный случай», я долго колебался, думая о том, оставить ли в живых героя пьесы Селихова? Кое-кто высказывал сомнение — а не будет ли смерть Селихова «пессимистическим мотивом»? Но я не мог писать вопреки логике развития характеров, вопреки логике движения конфликта, — и Селихов погиб. Пьеса попала в руки смелого редактора — и героя не воскресили!

Социалистический реализм, утверждая наше социалистическое бытие, заглядывая в будущее, остается реализмом. Мне думается, мы — и молодые и многоопытные писатели — должны отойти от реализма, удаляемся в область чистой идиллии, лишая себя возможности языком образов говорить народу правду.

На всех участках литературного поля нашей страны царит ожесточение. Писатели работают и ругаются тому, что «теория бесконфликтности», так сказать, поставлена вне закона. И все-таки она, эта пресловутая «теория», все еще заставляет себя знать. Она — в слишком уж тяжелом влиянии некоторых работников репертуарных отделов, в отчаянии иных критиков...

Скорей бы покончить с этим и выйти нашей драматургии на простор подлинных конфликтов, отражающих гигантские борения нашей эпохи.

Афанасий САЛЫНСКИЙ

В братской семье народов

Пресловутая «теория» бесконфликтности нанесла огромный вред развитию украинской советской драматургии. Два-три года назад появилась немалое количество пьес, в которых события нашей жизни изображались в идеализированном свете. Ясно, почему театры и зрители отвернулись от этих произведений. И сами драматурги, на практике разрабатывая «теорию» столкновения положительного с положительным и хорошего с лучшим, во многом утратили мастерство построения драматургического сюжета, мастерство показа больших, настоящих конфликтов, характерных для нашего времени.

Теперь, когда осуждена «теория» бесконфликтности, украинская советская драматургия получила новые возможности для своего развития, для свершения большого шага вперед.

Даже простое перечисление новых пьес показывает, что сдвиг в украинской драматургии начался. Если в позапрошлом сезоне на Украине пошло всего три пьесы украинских советских драматургов, то в прошлом их было уже десять, а в этом году театры Украины работают над девятнадцатью пьесами украинских авторов.

За последнее время у нас появились сатирическая комедия В. Минко «Не называя фамилий», драматическая поэма Л. Дмитренко «Подснежники», драма Я. Баша «Днепровские звезды», историческая хроника В. Суходольского «Арсенал»; новые пьесы написала драматургия А. Левада, Е. Кравченко, А. Ильченко, М. Бирюков, Г. Шюттис, Ю. Яновский, Ю. Мокрецов и многие другие. Новую пьесу заканчивает А. Корнейчук. Все больше появляется сатирических ко-

медий, все острее и жизненнее становятся конфликты пьес. Беда, однако, в том, что авторы комедийных пьес ограничиваются, как правило, только сатирой на мешанство, оставляя в стороне другие отрицательные стороны нашей жизни. Вышло так, что Ага Шука из пьесы «Калиновка родом» А. Корнейчука расплодилось целое племя сбе подобных и теперь уже является бабушкой, если даже не прабабушкой, схожих героинь. А ведь важно, чтобы драматурги, опираясь на опыт Корнейчука, больше думали о создании новых, оригинальных образов.

Наши театры много и плодотворно работают с драматургами. В театре имени Шевченко впервые пошли пьесы Л. Дмитренко и В. Минко, в театре имени Заньковской — пьесы А. Хижняка, З. Прокопенко, Я. Баша, в Винницком театре — пьеса И. Зарулько, пьеса П. Лубенского — в Полтаве. Очень жалко, что стольничные театры — имени Франко и имени Леси Украинки — за последние годы мало ставят новых пьес, а довольствуются, как правило, постановками «старым экраном».

В будущем году исполняется триста лет со дня воссоединения русского и украинского народов. К этому всенародному празднику украинский народ приходит с крупными достижениями на всех областях хозяйства и культуры. В великой семье народов растет и развивается Советская Украина. Братская помощь и опыт великого русского народа обеспечили невиданный расцвет нашей республики. Украинские советские драматурги должны прийти к всенародному празднику с новыми значительными произведениями, прославляющими великую дружбу советских народов.

Вадим СОБКО

Широкой дорогой творческих дерзаний

Мы, драматурги, ждем от пленума новой зарядки для борьбы за драматургию настоящих конфликтов, острого конфликта.

В выступлениях, в живом обмене мнениями писатели, пишущий для театра, хотят найти ценную помощь, советы, подтверждение правды выношенных образов и столкновений характеров.

Как часто бывает, что критика, стоял широко ратуша против схемы, против закравки в драматических произведениях, на практике направляет свое острое внимание на те, взятые из гуши жизни конфликты, которые кажутся ей чрезмерно «смелыми», «неправдоподобными», «нетипичными». С таким удивлением читаешь порой статьи, где критик-закравщик, выступая в первых строках за смелость, правду и глубину в изображении психологии советских людей, в то же время всем ходом своих рассуждений требует сглазить конфликт, показав героев не в несправедливых противоречиях, а рекомендует приглушить ссадины, борьбу страстей, опростить сложные и разные человеческие характеры — соль драматургии, ее силу.

Пусть не сочтут нас людьми нескромными, но всегда легче обращаться к фак-

там из собственной творческой практики. Авторам пьесы «Утро наших лет» справедливо был поставлен в упрек «запуганность», «замороженность» финал пьесы, закончившейся, вопреки логике событий, скучным, резонерским «справажничным столом». Действительно, все столкновения под занавес оказались сглаженными, а диалог стали несправедливо скудочными. Почему так получилось? Ведь в свое время мы долго обучивали эту сцену. Сколько разговоров в тили кабинета, сколько поговорок, сколько неувиденных света вариантов! Безусловно, здесь сказались и то, что принято называть «недостаточным мастерством». Но в первых откликах на пьесу со стороны эстонских критиков и в «закрытых» рецензиях, поступивших из репертуарно-редакторского отдела Главлитискусства, все говорило нас на благополучное холодное завершение конфликта.

Мы с особым удовлетворением готовились к пленуму, который, надемся, поможет нашей драматургии увереннее идти широкой творческой дорогой смежных дерзаний.

Ганс ЛЕБЕРХТ,
Федор ЗИНБАУМ

ПИСЬМЕННЫЙ стол современного драматурга

Письменный стол современного драматурга обступило много проблем, жгучих, мучительных, проблем творческих и, увы, не только творческих, которые должны быть поставлены нами на открывающемся завтра пленуме правления СССР со всей прямотой и смелостью, с такой же смелостью, с какой ставят наши партия коренные проблемы жизни советского общества.

От коллективного разрешения этих проблем, жгущих из которых драматург решает или пытается решить в одиночку, впадение со своим письменным столом, — а часто и без письменного — зависит многое в поступательном ходе нашей драматургии, в ее сегодняшних и завтрашних, выражаемых языком мие стилем героев всемогущего голоса, «блестящих» и «визитных».

Почему зрители чуть ли не в тысячный раз идут в Театр драмы делить переживания с «Таней» А. Арбузова и почему селят с эффи, едва держащиеся до конца одного сезона, пьесы, о которых благожелательно писала пресса и которые, действительно, по своим идейным, литературным и драматургическим достоинствам вовсе не уступают «Тане», а нередко и во многом превосходят ее? Междоузлия? Но за это время мы видели немало пьес с мало драматическими сюжетами, в которых забыты чертами не только персонажи, но даже и названия самих пьес...

Почему? Почему молодые люди, как рассказывали мне, горько плачут на «Бороле Лире» в Мясковском русском драматическом театре и равнодушны, скажем, в «Высокой волне», — пьесе, написанной по сильному роману Г. Никитенко и разгромной от отличных литературных артистов? Разве жизнь шведских героев ближе молодым людям, нежели жизнь их современников, изображенных в «Высокой волне»? Живет неузнаваемый «Чалаев» в кино, и давно умерло «Штерно»...

Напрасно думать, что эти вопросы, занимающие мысли директоров и главных режиссеров театров, не мучают и не занимают нас, драматургов. Ведь это вопросы о дороге к сердцу зрителя, о его акулах,

всплывших, потребовавших, наконец, творческих решений!

Мы знаем сюжетную, драматургическую основу большинства пьес Островского, Сухово-Булгина, Мольера, Ибсена или пьес Золя. Но существует в нашем обществе Капитан, нет ни Гурмыжского, ни бесприданницы Ларисы, ни Тартюфа, ни заселенных Рабурда, ушли из нашей жизни темы борьбы за наследство, проблемы социального неравенства, тема разлада благородной и чистой личности с грубым и несправедливым, жестоким и меркантильным обществом. Салынесы и докторы Штокманы невозможны и смешны в наших условиях. Да и Шекспир, пиши он в наше время свою гениальную «Ромео и Джульетту», пожалуй, столкнулся бы с огромными, как говорится, «творческими трудностями», потому что если и можно представить какие-то рудименты, пережитки отпавшей двух враждебных семей, то вряд ли эта драма была способна привести к столь трагическому концу Ромео и Джульетты...

И тем не менее многие из того, о чем писали классики русской и мировой драматургии, исчезло из наших пьес неправильно. Получилось некое разнотечение, и разнотечение самое опасное, ибо это разнотечение — с жизнью.

Вспомним, что было в свое время с пресловутой бесконфликтной драматургией. Быстро текущая жизнь создавала все новые и новые конфликты, возникали ее стремительные пути новые и новые рифы, пороги, свисавшие глазу, скрытые течением острые скалы. А на поверхности наших пьес часто господствовал штиль, да если и начинало штормить, то драматургический барометр все так же неизменно показывал «ясно».

Да, проблема неравного брака считалась самой структурной наших социальных отношений. Но разве не встречается в нашей жизни чудовищно выходящие, но существующие еще пережитки, которые закладываются в мешающих взаимоотношениям, в ничтожных «житейских» расчетах, уро-

З А Д Р А М У !

мующих войны, социалистические отношения хороших людей? Обращает внимание в этой связи беллетрист в «Комсомольской правде» от 10 октября под названием «Мама против». Там рассказывается о том, как некая мама — Антонина Ивановна — строила семейную жизнь любящих друг друга молодых людей Шны и Жоры на самом основании, что Жора в скорости будет инженером, а Шны, видите ли, простая работница. Кто такие родители Жоры? Отец — крупный инженер, пришедший на завод двадцать лет назад некавалифицированным рабочим. Советская власть дала ему образование, сделала из него специалиста, интеллигентца, и вдруг в семье этого человека из рядов рабочего класса — такая тушепо-дворянская кашка!

Очень возмущал меня замысел М. Прилепина, не лебесто, на основе которого она пишет сценарий. В этом замысле изображена трагедия девушки, которая любит и которую любит молодой парень, убогающийся, что родственники девушки «испортят» ему янкету, и ради карьеристских соображений похитят ее в браке с инженером.

За последнее время некоторые из этих пережитков и уроков подвержены осмеянию в сатирических произведениях. Но разве можно лишь комическими средствами ставить эти проблемы? В жизни есть, как мы видим, отнюдь не комические, а драматические ситуации, и решать их надо не только комедийно.

Да, у нас зритель нуждается — и в этом, мне кажется, секрет долговечности уже упоминавшейся арбузовской «Таня» — в человеческих, трагических душах драм.

Зритель хочет и должен не только смеяться, но и плакать! Драматизм нужен на сцене потому, что с драмами острее сталкивается в жизни и хочет получить ответ на многие в театре.

Так называемые общечеловеческие про-

блемы наша советская жизнь повернула по-новому. Изменилась и форма и содержание этих проблем, но драматизм их существует, как существует, например, ревность, разочарование в любви, трагедия ошибочно сделанного выбора товарища или подруги жизни, как существуют брошенные жены и брошенные дети, и брошенные отцы, и коварные Лго, и даже новоявленные Растылкины.

Возможна ли в нашей жизни драма обманутого друга. Возможна и в нашей жизни драма честного человека, совершившего ошибку, но честного, между тем как обстоятельства складываются так, что его считают нечестным. Душа советского человека, настоящие друзья и друзья «липовые», люди, для которых при решении вопроса о судьбе человека важна не эта судья, а то, как они при этом будут выглядеть, — все это, по-моему, предметы новой, советской драмы, которую ждет зритель.

Мне кажется, что предмет нашего драматургического внимания должны быть многие частные проблемы, волнующие людей в жизни и которые мы по непонятным соображениям обходим.

Драма есть драма, и ее нельзя подменять благополучными, беззаботными тостами в финале. Проследите драматические личные ситуации в целом ряде наших домашних фильмов. Борьба между любящими супругами, обычно представляется колхозом, идет, главным образом, в форме соревнования колхозов. А почему не может быть случая, при котором у супругов нет разногласий в вопросах организации колхозной жизни, но, к сожалению, есть разногласия в характерах, во взглядах на жизнь, в отношении друг к другу!

Пле, как в многоплановой драме, обретается возможность раскрыть красоту героя нашего времени, который будет не рупором духа армении, а живым, из крош, мускулов и мяса, борцом за новое, против старого!

Толстой любит своего Пьера Безухова; в сцене посвящения Пьера в масоны он дает Пьеру пощечину по пальцам, вспоминая собственные добродетели — и мужество, и щедрость, и добротность, и любовь к человечеству. Но ведь именно в этой же сцене Пьер сам вслух называет свои пороки, в том числе и любовь к вину и женщинам, и обожество, и праздность, и лень, и гордыню, и алчность... И от этого Пьер не перестает быть глубоко объективным, живым, человеческим.

Дело вовсе не в том, чтобы надевать нового героя безубыточных пороками. Дело идет о том, чтобы учиться у Толстого показывать героя таким, каков он предстает перед нами в жизни, не боясь дискредитировать своего героя действительно присутствием ему недостаткам.

Зритель, мне кажется, иной раз не верит в нашего героя хотя бы и потому, что он, зритель, совершенно не получает никакого представления о том, на какие, собственно, средства существует этот герой. Сколько он зарабатывает, как распределяется его жена этим заработком, куда идут стипендии, которые получают его дочка или сын, как он строит свой бюджет? Вопрос о бюджете, вагманский серьезное место в жизни человека, как будто бы не существует в наших пьесах.

Итак, к драме! И не обязательно на счастливые концы! Вспомним финал пьесы Н. Погодина «Богта ломаются концы». Картинам много понял и многое оценил в своей личной жизни, но не сложился оружием в научном споре. Спор продолжается! Научный спор продолжается и в жизни, ибо наука без спора хиреет, остывает! Драматург не должен поступиться против жизненной правды, так захватившая свою талантливую пьесу. Но ведь его упрели в том, что в пьесе нет конца, «не хватает чего-то»!

Автор этих строк оказался нечаянным участником жаркого спора, возникшего между юным критиком после представления во МТОЗ пьесы Е. Рыса «Чудес-

ный мальчик». Несколько подростков, девушек и юношей, резко выражали свой протест против финала пьесы, в котором соблазненный Вова Ермаков не выглядел испуганным и раскаявшимся, несмотря на то, что в середине пьесы комсомольское бюро специально заседало по этому вопросу. «Надо дать в конце пьесы еще одно заседание комсомольского бюро!», — громко требовала одна участница десятого класса. «Зачем?» — спросил я. «Надо показать, как Вова Ермаков исправился!», — уверенно ответила участница. «Ну, а если Вова Ермаков не исправится и после этого заседания?» — резонно спросила девушку другой ученик. Продолжим мысль этого ученика. Если Вова Ермаков после таких несправившихся эстонством в университете, а потом — в жизни? Ведь появляются же откуда-то дурные студенты и дурные начальники, и вообще плохие люди, с которыми этой ученице, возможно, еще придется столкнуться в жизни?

Вспомните финал картины «Звезда», «исправившийся» финал повести Э. Казакевича, — разве не сыал он истинный драматизм хорошего фильма? Как будто этот механический довод помогает оптимистическому восприятию картины, пропавшей в самом своем существе. Разве не остаются памятниками неуспешной, бессмертной мочи и душевной красоты «Чалаев» или «Молодая гвардия», несмотря на то, что и то и другое произведения кончатся столь трагически, столь печально? Почему же привыкать ко всем без исключения пьесам благополучным, непременно благополучные финалы?

Таковы некоторые проблемы, о которых хочется услышать на пленуме суждения и наших товарищей — прозаиков и поэтов, и критиков, и самих драматургов. Разговор предстоит большой и серьезный.

Александр ШТЕЙН

ВСЕ ЯСНО!

ДВЕ
ИЛЛЮСТРАЦИИ К
ПОПЫТКАМ СОРВАТЬ
КОНФЕРЕНЦИЮ
ПО КОРЕЙСКОМУ
ВОПРОСУ

Рисунок слева опубликован американской буржуазной газетой «Чикаго дейли ньюс». Он называется: «Страдания будущей матери». Птица, символизирующая ООН, высиживает яйцо с надписью «Урегулирование корейского вопроса». То и дело птица путливо озирается на соседнем суку примостился Ли Сын Ман, который с явным нетерпением ожидает появления птенца, чтобы пристрелить его на месте...

С первого взгляда может показаться, что все в этой карикатуре как будто бы верно и нет необходимости в дополнениях и пояснениях. Однако это не так. Самое главное художник изобразил не решится. Он не показал, кто именно стоит за спиной Ли Сына Мана, кто вложил в его преступные руки оружие, кто затерсировал в срыве переговоров о мирном урегулировании в Корее.

Ответ на этот вопрос дает более откровенный рисунок (справа), который мы заимствуем из английской буржуазной газеты «Ньюс кроникл». На карикатуре изображен небоскреб на Уолл-стрит, из окна которого выбросился очередной форрестал, — прекращение кровопролития в Корее лишило его желаемых бабей... Другой американский бизнесмен кричит ему вдогонку: — Постой, подожди немного! Может быть, конференция по Корею все-таки сорвется... Вот теперь все ясно!

Провокации продолжаются

Как уже сообщалось, 15 октября, с ожиданием на 20 дней, из-за провокаций со стороны американских властей началась разведывательная работа среди корейских и китайских военнопленных, переданных под контроль нейтральной комиссии по репатриации.

Американцы прилагают сейчас все усилия к тому, чтобы сорвать эту работу. Иностранная печать пишет о новых фактах преступных действий тайных чанкайшеских и лисымановских агентов, заставших американцев в среду военнопленных еще до того, как последние были переданы нейтральной комиссии по репатриации.

Все это говорит о широко задуманном и заранее разработанном заговоре. Еще несколько недель назад, сразу после подписания соглашения о компетенции нейтральной комиссии по репатриации, американцы уже направили на остров Чечу-до агента службы психологической войны американской армии на Дальнем Востоке полковника Хаксона и агента разведывательной организации «Синдзи информейшн айдзюкейшн» в Токио Осимаки для личных переговоров о совместных действиях с начальником военной полиции американской армии в Мусюльи полковником Хамингом. Она оказывают открытую поддержку и помощь главарям тайных агентов чанкайшеской банды Ван Чжа и Ни Ван-я и начальнику тайной военной полиции лисымановской кланки Ван Ион Дуку в их провокационных действиях по задержанию пленных.

Американцы насильно разбили корейских и китайских военнопленных на батальоны, роты и взводы, в которые басили тайных агентов, чтобы следить за пленными, убивать тех на них, кто, несмотря на запугивания и террор, будет требовать репатриации.

Чанкайшеские и лисымановские агенты запугивают военнопленных, заставляют их отвечать на вопросы представителей, выделенных для разъяснительной работы. Еще в конце августа, как заявил 14 октября на заседании военной комиссии по перемирию представитель корейской тайской стороны, служащий военной полиции американской армии на острове Чечу-до Гэ Тан-хын сообщил тайным агентам о том, что получено распоряжение не подпускать никаких войск к военнопленным, разрушать никаких охранных, а если потребуется, то убить солдат этой охраны.

2 октября нынешнего года в 28-м секторе лагеря пленный китайский народный доброволец Чжао Лу-уэл категорически отказался участвовать в «демонстрации», организованной чанкайшескими агентами. Он смело заявил, что хочет вернуться на родину, и выразил желание репатрироваться. Озверевшие чанкайшеские расклевывали ему грудь и вырвали сердце. За Сэй Поа, боец корейской Народной армии, только обомлевший от своего желания репатрироваться, был збит лисымановскими агентами до смерти.

Возвратившись 14 октября из плена китайский народный доброволец Чан Фэй-а работал до репатриации на кухне госпиталя. Он рассказал, что этот госпиталь используется, как центр связи тайных агентов в лагере нейтральной комиссии по репатриации. 11 октября, сообщил Чан Фэй-а, на кухню пришел гоминдановский агент по имени Ма. Он сказал другому агенту, Кэ Юнь-фю, возглавляющему центр связи: «Вскоре представители коммунистов начнут разъяснительную работу. Об этом необходимо сразу же предупредить все батальоны, тем, чтобы были сделаны приготовления к отказу присутствовать на беседах коммунистов. Когда индийцы прикажут вам идти в палатки, преданнослушатели для разъяснительной работы, вы не должны подчиняться... Если индийцы начнут выводить вас, вы должны избивать их палками и камнями».

Таковы лишь некоторые факты, которые наглядно свидетельствуют о том, что американская сторона стремится сорвать соглашение о перемирии. Комментарии американско-лисмановские провокации, индийская газета «Ньюс оудж» подчеркивает, что эти провокации угрожают не только миру в Корее, но и миру по всей Азии. «Заговор против мира», — призывает газета, — должен быть ликвидирован».

Комментарии американско-лисмановские провокации, индийская газета «Ньюс оудж» подчеркивает, что эти провокации угрожают не только миру в Корее, но и миру по всей Азии. «Заговор против мира», — призывает газета, — должен быть ликвидирован».

ВЫДЕРЖКИ
ИЗ ГАЗЕТ

Несколько обычных дней сентября, две пачки газет... В одной — газеты, которые выходят в Западной Германии, в другой — газеты Германской Демократической Республики. Мы публикуем выдержки из этих газет: простые сообщения, хроника, газетные объявления. Они передают живые черты, детали жизни... И без каких-либо комментариев эти краткие газетные сообщения — красноречивое свидетельство дальнейшей милитаризации и фашизации боннского государства Германской Демократической Республики, — с другой.

ЗАПАДНАЯ ГЕРМАНИЯ

Во время военных маневров в Вестфалии 14-летний мальчик получил ранение, угрожающее его жизни. Бельгийский танк остановился на шоссе, в местечке Варбург. Ребята хотели рассмотреть машину, солдат, сидевший в башне танка, попробовал отпугнуть их ракетницей, по его мнению, незаряженной. Произошел выстрел, поразивший мальчика, которому пробило черепную коробку. Два осколка ракеты проникли в мозг.

(«Штутгартер цейтунг», 15 сентября)

Бетонешапки на строительной площадке новой народной школы в Грейрате закончили свою работу. Вечером готово прямоугольное к школе атомное бомбоубежище. Помещение 12 метров в ширину и 60 метров в длину окружено стенами из железобетона толщиной в 60 сантиметров. Сверху помещение защищено железобетонными перекрытиями толщиной в 35 сантиметров.

(«Фольдаар фольксцейтунг», 17 сентября)

Десять тысяч бывших участников кампании в Африке приняли участие в нынешнем третьем федеральном слете африканского корпуса в Ганновере. На первом слете, происшедшем два года назад в Изерлоне, собралось всего три тысячи, а в прошлом году в Штутгарте — семь тысяч... Генерал (речь идет о председателе объединения бывших военнослужащих африканского корпуса генерале в отставке Крюмме. — Ред.) заявил, что члены африканского корпуса весьма приветствовали бы, если бы им удалось объединиться под одной крышей с такими «общесолдатскими» союзами, как «Союз германских солдат» и «Кай-хойзербунд».

(«Дейче золдательцетунг», 17 сентября)

Об обязательном получении разрешений на публичные собрания под открытым небом и на демонстрации.

Тот, кто намеревается провести публичное собрание под открытым небом или демонстрацию, должен войти с ходатайством в официальные инстанции не позднее, чем за сорок восемь часов перед отпущением об этом мероприятии... Соответствующая инстанция вправе запретить это собрание или демонстрацию.

Ландрат округа Лаутербха.

(«Фольдаар фольксцейтунг», 21 сентября)

Союз германских солдат проведет в октябре совещание с представителями бельгийского, французского и люксембургского солдатских союзов об их предстоящем международном объединении.

(«Фольдаар фольксцейтунг», 21 сентября)

Бывшие члены эскадры бомбардировочной и штурмовой авиации, командиром которой являлся Иммельман, собрались в конце недели в Цигенхайне на свой второй слет. Полковник в отставке Рудель, являвшийся последним командиром этой эскадры, заявил, что в конце сентября он полетит в Аргентину, а после рождества возвратится в Германию, чтобы окончательно обосноваться в федеральной республике.

(«Фольдаар фольксцейтунг», 21 сентября)

Главный конструктор американских авиазаводов «Локхид» Холл Хибарт заявил в Бонне, что он является сторонником скорейшего возрождения германской авиационной промышленности, которая перед войной являлась ведущей во всем мире, и сторонником тесного технического контакта ее с предприятиями американской авиационной промышленности.

(«Нюрнбергер нахрихтен», 22 сентября)

...Правительство США дало твердую гарантию Федеральному правительству по поводу вооружения будущих немецких контингентов современным американским оружием. Отдельные виды вооружения, как то: танки, артиллерия, самолеты, уже подготовлены к транспортировке.

(«Ахт-ур-блатт», 22 сентября)

24 и 25 сентября в Бонне будет проводиться строго секретная выставка для экспертов «Европейского оборонительного сообщества». За исключением вооружения, на этой выставке будет экспонировано все, что потребуется для оснащения будущей европейской армии: обмундирование, автоматы, саперное имущество, имущество связи, санитарное имущество, а также оборудование для расквартирования будущих европейских солдат.

(«Ахт-ур-блатт», 22 сентября)

Верховный главнокомандующий армиями Атлантического союза генерал Грюнтер прибыл во вторник в Нижнюю Саксонию, на территорию, где проводятся маневры вооруженных сил стран Атлантического пакта.

(«Фольдаар фольксцейтунг», 23 сентября)

ОБЪЯВЛЕНИЯ

В ближайшее время появится в свет «Германский солдатский календарь на 1954 год». Цена 2,90, 6 цветных таблиц, 8 литографий и 60 иллюстраций.

Союз бывших военнослужащих автомобилей и обозных войск 19—20 сентября 1953 года проводит свой ежегодный слет в Ганновере...

26 сентября 1953 года состоится встреча военнослужащих всех подразделений бывшей 267-й пехотной дивизии в Ганновере...

3—4 октября 1953 г. военнослужащие гарнизона Штраубинг вместе с организацией германского солдатского союза в Штраубинге проводят встречу друзей.

32-я пехотная дивизия проводит свой ближайший слет 3 октября в Дюссельдорфе и Кельне.

Ордена и военные знаки отличия для ношения в качестве сувениров поставляет фирма «Фаненфлекс».

(«Дейче золдательцетунг», 17 сентября)

БЕН ЛИД СТИХИ О БЕЗРАБОТИЦЕ

Автор этого стихотворения — молодой рабочий-металлург из г. Чикаго (США) Жини и был рабочим класса США, протест против бесчеловечной эксплуатации, призыва к солидарности в борьбе — вот основные темы стихотворения Бена Лид.

В публикованном ниже стихотворении автор рассказывает о том, как бедствуют американские безработные.

Как кофе дорог! Но дороже — суп! Да-да, дороже суп! В нармашах груз могильных плит — Без денег я ведь труп. Где мой матрас, подушка, простыня? Да, где же простыня? Газета в парке на скамье — Вот ложе для меня. Никчемна, бесполезна пара рук! Да, пара сильных рук! Так корни гибнут без воды... Без дела — я ведь труп. Если есть еще у вас семья? Да, есть у вас семья? Как прощорится же тогда? Без дела — труп ведь я. А кто не верит, что же, в добрый час. Да, кто же, в добрый час. Зайдет он пусть в любой американский парк И там — увидит нас! Да-да, увидит нас!

Перевел с английского Юрий ХАЗАНОВ

Кое-что о МАККАРТИ

— Мисс Лоу Лидл, можете ли вы ответить комиссии, какое платье было на вас 1 мая этого года?

— Я не помню. Совершенно не помню... Может быть, на вас было платье из красного шелка?

— Возможно. У меня действительно есть платье из красного шелка.

— А не находите ли вы, что вашу прогулку в красном платье по Вашингтонскому скверу 1 мая можно истолковать, как демонстрацию преданности коммунистическим идеям? Не равносильно ли это тому, что вы ходили по улице, задранившись в советский флаг?

— Но, — шутит! — Я ставлю вопрос по-иному: возможно ли, чтобы какая-нибудь коммунистка, желая продемонстрировать свою верность коммунистическим идеям, выбрала красное платье специально для 1 мая?

— Вполне возможно.

Итак, вы допускаете, что те, кто вас видел в тот день в красном платье, могли подумать, что вы желали подчеркнуть свою преданность коммунизму?

— Да, допускаю. Но я вовсе ничего не хотела подчеркивать. Я надевала красное платье, но точно так же я могла надеть желтое или зеленое.

Замечу, что вы, мисс Лидл, согласились, что этот ваш поступок можно истолковать, как демонстрацию преданности коммунистическим идеям!

Этот диалог, опубликованный американскими газетами и переланный даже по телевизионной сети, происходил некоторое время тому назад между учительницей Лоу Лидл (ныне уволенной с работы) и сенатором Соединенных Штатов Джозефом Рэймондом Маккарти, сорока трех лет, родом из Висконсина, председателем «подкомиссии по расследованиям» сената США, «охотником за ведьмами» № 1.

Во время войны с Японией Маккарти командовал морской батареей, расположенной на маленьком острове за тысячу миль от фронта. Однако он приказал своим подчиненным срубить на острове все кокосовые пальмы: «За каждой пальмой может прятаться японец». Морские роты, — срубая пальмы, они уничтожали тех. Но пришлось подчиниться: свое «глубокомысленное предположение» Маккарти обосновывал «бдительностью патриота». Кроме того, он был ведь командиром... Но ночью морские прикрепили к его палатке лист картона с надписью: «Пусть кокосовые пальмы останутся, а Маккарти убирается домой!»

Когда война закончилась и уже нельзя было прощаться, обнаруживая за каждой пальмой японцев, Маккарти повесил себя «охоту» за коммунистами. Его критерий очень прост: каждый, кто не является сторонником Маккарти — «коммунист». Маккарти возглавляет орган современной инквизиции, работающий по следующему принципу: если обвиняемый признает власть сенатской «подкомиссии по расследованиям», его судят «обычно», т. е. в юрисдикции с завола, из университетов или из учреждений, а имя его заносит в черные списки. Если же он отказывается признать решение подобного судилища, его осуждают за «неуважение к... самому суду!»

Метод этот не нов. Много веков тому назад инквизитор Николай Ремиджис славился как знаменитый охотник за ведьмами и еретиками. Действовал Ремиджис способом, совершенно аналогичным методу Маккарти. Обвиненного в ереси бросали в воду, если человек тонул, это означало, что он невинно.

Мир с отвращением наблюдает кривляния этого сумасшедшего, который ищет «атомных шпионов» даже у себя под крошечным пальцем. То, что делает Маккарти, далеко не смешно: он способен превратить Америку в страну, где царит подозрительность и страх, где даже на мысль пытаются надеть наручники... «Принципы» сенатора Маккарти не отличаются от средневековых принципов доктора Ремиджиса: «Если они признают себя виновными, мы их уйдем за то, что они виновны; в противном случае мы их уйдем за то, что они отказываются признать себя виновными».

Для американских фашистов все те, кому дорог мир, сотрудничество между народами или хотя бы собственная свобода мысли являются «ведьмами», которых нужно сжечь на костре. Рассказывают, что однажды в мае 1443 года несколько фанатиков-теологов из инквизиции, гуляя в окрестностях Базиля и, как всегда, беседа о ведьмах, неожиданно услышали пение соловья. Звучи соловьиной трелью так не гармонировали с их фанатическими рассуждениями, что они остановились, пораженные, а один из них воскликнул: «Слушайте! Слушайте! Это злой дух!» По мнению этих средневековых палачей, даже соловей не имел права воспевать любовь и радость жизни, в его голосе должна была тоже звучать ненависть.

«Ведьма», — сказали тогда инквизиторы, — «скрытый коммунист», — сказал бы сегодня сенатор Маккарти, обвинивший мисс Лоу Лидл за то, что она в майский день 1953 года, приветствуя весну, надевала красное платье...

Сюзен ПАТТЕРСОН.

По страницам печати

«Гуанминжяо» — Китай; «Жизнь Варшавы» — Польша.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ПЕКИНА

«С каждым днем», — рассказывает газета «Гуанминжяо», — становится богаче и интереснее культурная жизнь Пекина. На улицах пестрят красочные афиши, общаются о новых постановках, о новых кинофильмах. Они всегда привлекают широкие внимание».

Как сообщает газета, за шесть месяцев в столице прошло больше постановок и кинофильмов, чем за несколько предыдущих лет.

Большой популярностью пользуются спектакли, как «40 лет ожидания», рассказывающий о строительстве Цинцуньской железной дороги, «Женитьба маленького Эрха» — о свободном браке в новом Китае, «Богдэ зреет виноград» — о сельскохозяйственных кооперативах, а также «Лян Шань-бо и Чжу Ин-тай» — спектакль о победе любви над смертью, и другие.

«Прошлой зимой», — пишет «Гуанминжяо», — постановке театра Северо-Востока Китая в течение двух месяцев шла советская пьеса «Рассвет над Москвой». Двух месяцев оказалось недостаточно — далеко не всем желающим удалось посмотреть ее...»

За полгода в городе демонстрировалось 60 китайских и советских фильмов, а также фильмов стран народной демократии. Ежедневно в 17 кинотеатрах столицы бывает до 20 тысяч зрителей.

В Пекинском оперном театре и за шести других больших сценных театрах пекинских слушали в последние месяцы концерты корейских, монгольских, польских и индийских артистов. Здесь часто показывают свое мастерство также лучшие артистические труппы из других городов Китая.

«Художественные образы, созданные актерами в постановках и кинофильмах», — заключает «Гуанминжяо», — имеют большое воспитательное значение».

СЛОВО ФРАНЦУЗСКОГО ХУДОЖНИКА

Из Марселя и Гренобля, из Парижа, а также почти из всех департаментов Франции приехали в Польшу делегаты французского движения сторонников мира, представители различных профессий, религии и политических убеждений. Они объединились в «Французский фронт за мир».

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГИРБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), Н. ПОГОДИН.

вен, если же ему удавалось удержаться на поверхности, это означало, что он виновен и подлежит сожжению на костре. Утопленный или заживо сожженный, обитыйный так или иначе все равно погибал...

Американские газеты много пишут о Маккарти. Страницы некоторых газет обоблачены такой анекдот:

«Бежит кролик по полю, а ворон его спрашивает: — От кого это ты убегаешь? — От сенатора Маккарти: он охотится на кенгуру».

— Но ты ведь не кенгуру? — Да, но попробуй ему это доказать!.. Маккарти готов объявить «красным» каждого, кто не принадлежит к числу его сторонников. Среди прочих дел его подкомиссии разбирала подобное обвинение, выдвинутое против редактора газеты «Нью-Йорк пост» Джеймса Векслера.

Вот как Маккарти допрашивал Векслера: «Да, ваша газета носит антикоммунистический характер. Но допустите возможность, что коммунисты поручили одному из своих агентов редактировать газету, сегодня выступающую против коммунистов, а завтра — за них. Это было бы цеплохой маскировкой, не правда ли?»

— Это было бы явное преступление... — Так и запишем, что вы допускаете возможность выступления против коммунистов только для отвода глаз, только для того, чтобы работать по заданиям Москвы!»

Европа смеется над этим сумасшедшим в роли сенатора. Но Америка из-за него плачет.

Почему же спрашивается, этого «хотуника за ведьмами» до сих пор еще не посадили в сумасшедший дом? Ответ прост: Маккарти нужен тем, кто правит Америкой, чтобы удобнее было подавлять в стране всякое демократическое движение, всякую попытку мыслить не так, как это угодно Уолл-стрит.

Мир с отвращением наблюдает кривляния этого сумасшедшего, который ищет «атомных шпионов» даже у себя под крошечным пальцем. То, что делает Маккарти, далеко не смешно: он способен превратить Америку в страну, где царит подозрительность и страх, где даже на мысль пытаются надеть наручники... «Принципы» сенатора Маккарти не отличаются от средневековых принципов доктора Ремиджиса: «Если они признают себя виновными, мы их уйдем за то, что они виновны; в противном случае мы их уйдем за то, что они отказываются признать себя виновными».

Для американских фашистов все те, кому дорог мир, сотрудничество между народами или хотя бы собственная свобода мысли являются «ведьмами», которых нужно сжечь на костре. Рассказывают, что однажды в мае 1443 года несколько фанатиков-теологов из инквизиции, гуляя в окрестностях Базиля и, как всегда, беседа о ведьмах, неожиданно услышали пение соловья. Звучи соловьиной трелью так не гармонировали с их фанатическими рассуждениями, что они остановились, пораженные, а один из них воскликнул: «Слушайте! Слушайте! Это злой дух!» По мнению этих средневековых палачей, даже соловей не имел права воспевать любовь и радость жизни, в его голосе должна была тоже звучать ненависть.

«Ведьма», — сказали тогда инквизиторы, — «скрытый коммунист», — сказал бы сегодня сенатор Маккарти, обвинивший мисс Лоу Лидл за то, что она в майский день 1953 года, приветствуя весну, надевала красное платье...

Сюзен ПАТТЕРСОН.